

**ДИСКРЕТНАЯ МАТЕМАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ЕДИНСТВА
ЛОГИКИ, ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА И ТЕОЛОГИИ
(Новая возможность перехода от нетерпимости
к толерантности между наукой и религиозной доктриной
вечной жизни и непрестанной молитвы)***

Традиционно считается, что в отношении к религиозным идеям вечной жизни и непрестанной молитвы наука занимает (и должна занимать) позицию безусловно отрицательную, враждебную, непримиримую. Традиционно считается также, что отношение религии к науке в связи с упомянутыми идеями является (и должно быть) столь же непримиримым, враждебным, отрицательным. Итак, с незапамятных времен и по сей день существует и, как правило, господствует традиция нетерпимости, антагонизма в отношениях между наукой и религией в связи с концепциями непрестанной молитвы и спасения в жизни вечной. Эти концепции считаются абсолютно несовместимыми не только с наукой, но и вообще с любой формой рационализма, ибо традиционно считается, что они явно противоречат очевидным фактам и грубо попирают логику. Общеизвестно, что «железная» логика и факты – «упрямая вещь», и это традиционно приводило и приводит многих рационалистов к отрицанию упомянутых религиозных идей. Отсюда некоторые (например, Тертуллиан) в соответствии с господствующей традицией делают вывод, что религиозная вера является (и должна быть) абсолютно иррациональной. Следствием этого вывода является традиционная нетерпимость большинства верующих к рационализму и логике вообще. В истории и теории религии и церкви существует, однако, и другая (противоположная) традиция, стремящаяся к «дружбе и сотрудничеству» между верой и разумом, религией и наукой, теологией и логикой, религиозным чувством и рационалистическими конструкциями. В этой традиции, к сожалению, не являющейся в настоящее время ни господствующей, ни популярной, нетерпимость между наукой и религией заменяется толерантностью. Объективности ради необходимо признать, что в истории уже были периоды и культуры, в которых идея толерантности веры и разума, теологии и философии (в особенности логики) была доминирующей. Яркий пример – средневековая схоластическая философия и логика, о которой ее критики говорили как о «служанке богословия». Тем не менее, несмотря на это язвительное сравнение, средневековая схоластика – конкретно-историческая форма толерантности во взаимоотношениях религии и науки того времени.

Очевидно, что наука средних веков имела весьма скромные возможности и, поэтому, вполне естественно, что та конкретно-историческая форма единства науки и религии прекратила свое существование. Но значит ли это, что толерантность в отношениях между религией и наукой в связи с указанными концепциями принципиально невозможна и, поэтому, попытки восстановить единство веры и разума, теологии и логики на качественно новой конкретно-исторической основе абсолютно бесперспективны? На мой взгляд, нет, не значит. Качественно новый уровень развития науки может (и должен) дать новые возможности ее взаимовыгодного взаимодействия с религией. В частности, на мой взгляд, современный уровень развития логико-математической культуры (для которого характерно систематическое использование искусственных языков и методов математического моделирования абстрактных структур, отвлеченных от содержания элементов тех множеств, на которых эти структуры определяются) позволяет перейти к систематическому построению и развитию неосхоластики – современной формы религиозного рационализма, т. е. единства религиозной веры, чувства и разума. Для того чтобы сказанное не показалось пустым, чисто абстрактным разговором, далее в двух параграфах строится и обсуждается некий конкретный вариант неосхоластического построения, а именно, алгебра поступков (близкая к булевой) как дискретная математическая модель ригористической теологической доктрины естественного права непрерывной молитвы и надежды на жизнь вечную.

В отличие от использовавших только естественный язык средневековых схоластов, на вооружении которых была только традиционная аристотелевская логика простых атрибутивных суждений и силлогизмов, автор настоящей статьи систематически использует искусственные языки, понятия и методы современной математики, в частности, математический аппарат современной символической логики. (Подчеркнем, что в статье используется не сама символическая логика как именно логика, т. е. теория истинности и доказуемости, а лишь ее математический аппарат как собственно математическая структура, отвлеченная от ее собственно логического, т. е. истинностно-доказуемого содержания).

§1. Дискретная математическая модель естественного права жить и умереть, а также церковного права воскреснуть и жить вечно

(Алгебра поступков как метод научного исследования морально-правовой ценности религиозной веры в воскрешение праведников после смерти и в их последующую вечную жизнь, а также в смерть грешников при жизни и в их последующие вечные муки)

Вот, я сегодня предложил тебе жизнь и добро, смерть и зло.

[Если будешь слушать заповеди Господа, Бога твоего,] которые я заповедую тебе сегодня - любить Господа, Бога твоего, ходить по путям Его и исполнять заповеди Его, и постановления Его, и законы Его; и будешь ты жить и размножаться, и благословит тебя Господь, Бог твой, на земле, в которую ты идешь, чтоб овладеть ею;

Если же отвертится сердце твое, и не будешь слушать, и заблудишь, и станешь поклоняться иным богам, и будешь служить им,

То я возвещаю вам сегодня, что вы погибнете и не будете долго на земле, для овладения которою ты переходишь Иордан.

Во свидетели перед вами призываю сегодня небо и землю: жизнь и смерть предложил я тебе, благословение и проклятие. Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твое,

Любил Господа, Бога твоего, слушал глас Его и прилеплялся к Нему; ибо в этом жизнь твоя...

Втор. 30: 15-20.

Не убивай.

Исход 20: 13; Втор. 5: 17

** * **

Более того, скажу коротко: все сущее, поскольку существует, представляет собой добро, происходящее от Добра, а поскольку лишается Добра, не представляет собой добра и не существует.

Дионисий Ареопагит [2, с. 147]

Еще совсем недавно (в период от Октябрьской революции до перестройки) серьезное исследование темы данной статьи в российской научной литературе было делом практически нереальным по целому ряду вполне понятных конкретно-исторических (идеологических) причин. Проблема, упомянутая в заглавии статьи, объявлялась в России (в течение указанного периода) псевдопроблемой средневековой схоластической философии, выступавшей в качестве «служанки богословия». В настоящее время (после перестройки) ситуация в России значительно изменилась. «Научный атеизм» как «разновидность религии» потерял в современной России статус идеологической монополии, официально поддерживаемой государством. Отказ

от государственной политики воинствующего атеизма, прогрессивная *тенденция* (к сожалению, недостаточно последовательная) к веротерпимости, к невмешательству государства в (законопослушную) религиозную жизнь граждан и в межконфессиональные отношения (если они не ставят под угрозу государственную безопасность, жизнь и здоровье людей) привели к значительному увеличению в современной России как числа верующих, так и многообразия различных конфессий.

Кое-кто мог бы заметить, что все эти факты из современной истории России не имеют никакого отношения к Науке вообще и к научной теории религиозной веры в воскрешение и последующую вечную загробную жизнь праведников в частности. Но почему? Если Наука — это, прежде всего, факты, и честный ученый *никакие* факты не имеет права игнорировать, то он не должен игнорировать и тот факт, что *значительное число российских граждан в настоящее время имеет религиозные потребности* и религиозное сознание. Если Наука и Религия, *в их идеале (в их сущности)*, не противоречат друг другу логически, т. е. не отрицают, а взаимодополняют друг друга в человеческом сознании и практике, то Наука, в принципе, может (и даже должна) способствовать более эффективному, полному и адекватному удовлетворению религиозных *потребностей* верующих людей, оптимизации их религиозного сознания, повышению качества религиозной жизни. Конечная задача Науки — всемерно способствовать удовлетворению любых признанных обществом человеческих *потребностей*. Поскольку религиозные *потребности* людей обществом не отвергаются, а признаются нормальными, естественными, постольку одна из задач Науки (как это ни парадоксально, с точки зрения воинствующего атеизма) — способствовать повышению качества религиозной жизни, наиболее полному удовлетворению религиозных *потребностей* людей. Но чем могла бы Наука как таковая помочь Религии? Одним из аспектов, в которых такого рода помощь возможна и желательна, является, например, *оптимизация структуры* (формы) религиозного сознания, в частности, поиск и устранение формально-логических противоречий, подрывающих веру в Бога (у тех верующих, которые ценят еще и Разум, а значит, и Логику). *Достижение и демонстрация формально-логической непротиворечивости теоретической теологии удовлетворяет религиозную потребность в обеспечении гармонии Веры и Разума* (взаимной толерантности Религии и Науки). Если со всем этим согласиться, то получается, что чрезвычайно острая и болезненная для религиозного сознания проблема рационального (строго научного) обоснования религиозной веры в воскрешение

праведников после смерти и в их последующую вечную жизнь, а также в смерть грешников при жизни и в их последующие вечные муки не только может, но и должна быть исследована Наукой во имя полного удовлетворения жизненных потребностей тех людей, которые верят в Бога. (Вопрос о том, существует ли Бог на самом деле и каково на этот счет личное мнение автора данной статьи, вообще не обсуждается и даже не ставится в ней. Наши рассуждения не *зависят* от того или иного ответа на этот вопрос. Они зависят лишь от факта существования людей, верующих в Бога, от факта наличия у них религиозных потребностей, которые для них жизненно важны и рассматриваются обществом в качестве положительных или, по крайней мере, допустимых, от признания адекватного удовлетворения человеческих потребностей в качестве конечной цели Науки и, наконец, от отрицания дискриминации между людьми верующими и неверующими, между жизненно важными потребностями тех и других.)

В течение длительного времени считалось, что существует неразрешимое формально-логическое противоречие (антагонистический конфликт) между позитивным научным знанием (о жизни и смерти) и религиозной верой в грядущее воскрешение праведников из мертвых для их последующей вечной жизни. Толерантность между наукой и религией в этом вопросе считалась абсолютно нереальной (принципиально невозможной). Однако в наше время появились существенно новые возможности для разрешения сформулированного выше формально-логического противоречия (конфликта) между наукой и религией. Возможности эти возникли в связи с созданием в последней трети XX в. алгебры поступков [4; 5; 6; 17]. Поскольку далее в тексте простейший фрагмент упомянутой алгебры используется в качестве метода математического моделирования конфликта позиций науки и религии в обсуждаемом вопросе (с целью нахождения формально-логически непротиворечивого разрешения противоречия между ними), постольку целесообразно сформулировать некоторые наиболее простые положения этой алгебры и показать, как такая алгебраическая модель может помочь выбраться из обсуждаемого тупика в развитии дружественных отношений между религией и наукой. (Здесь мы даем настолько минимальные сведения об алгебре поступков, что для их понимания вполне достаточно элементарных математических знаний, полученных в старших классах средней школы. Читателя, всерьез заинтересовавшегося упомянутой дискретной математической моделью морально-правовых структур и желающего познакомиться с ней более подробно, отсылаем к книгам [4-6; 17] и статьям [7-14].)

Двузначная алгебра поступков — простейший конкретный пример *формально-этической системы*. Эта алгебра служит адекватной математической моделью *ригористической (т.е. двузначной) формальной этики* (см. прим. 1). Нравственный ригоризм четко разделяет все в человеческой деятельности на «черное» и «белое». Объектом морально-правовых оценок служат действия людей. За основу алгебраической теории ригористических морально-правовых оценок берется множество поступков (см. прим. 2). Поступками в данной алгебре называются, по определению, все те и только те действия, которые являются либо хорошими, либо плохими. Союз «либо-либо» обозначает строгую (исключающую) дизъюнкцию: либо то, либо другое обязательно имеет место, третьего не дано. Одним из логических следствий данного определения оказывается утверждение о том, что общественно нейтральных поступков нет. Приведенная выше дефиниция и вытекающие из нее следствия не означают, однако отрицание наличия в действительности юридически и морально безразличных (ни плохих, ни хороших) действий. Очевидно, что существуют действия, о которых невозможно достаточно аргументировано утверждать ни то, что они плохи, ни то, что они хороши. Например, действие субъекта, заключающееся в том, что он сегодня купил хлеб не в магазине № 2 около своего дома, а в магазине № 27 около места своей работы, вполне может быть общественно нейтральным. В этой связи утверждение о том, что всякий поступок является либо плохим, либо хорошим, а общественно нейтральных (ни плохих, ни хороших) поступков нет, может показаться противоречащим содержательной юриспруденции и этике. Однако противоречие возникает лишь в том случае, когда определенное выше понятие «поступок» отождествляется с понятием «действие». В рамках же развиваемой концепции между поступками и действиями проводится существенное различие. *Всякий поступок есть действие, но не всякое действие есть поступок*. Поэтому утверждение о том, что ни один поступок не является общественно нейтральным, и согласие с тем, что общественно безразличные действия все же существуют, логически не противоречат друг другу. В соответствии с принятым в двузначной формальной этике определением понятия «поступок», все те акции, которые по каким-либо причинам нельзя (бессмысленно) рассматривать как плохие или хорошие, просто не считаются поступками. Такими действиями являются, например, все те операции, которые человек не мог или не может совершить из-за каких-то не зависящих от него обстоятельств, т. е. действия, совершаемые при *отсутствии свободы выбора*.

В рамках формальной этики и юриспруденции, элементы множества $\{x \text{ (хорошо)}, p \text{ (плохо)}\}$ называются *ценностными морально-правовыми значениями* поступков. Поступки делятся на простые и сложные. Сложные представляют собой определенным образом связанную совокупность простых. Для оценки сложных поступков очень важно знать, как зависит их морально-правовое значение от морально-правовых значений входящих в них простых поступков, точно так же, как для логики высказываний очень важно знать, как зависит логическое значение сложного высказывания от логических значений входящих в него простых высказываний. На множестве поступков для любого произвольно взятого поступка a могут быть (a могут и не быть) определены следующие унарные морально-правовые операции:

(1) Na – воздержание от a, т. е. свободное несовершение поступка a; (2) Ra – противодействие (сопротивление) совершению a, т. е. пресечение a; (3) Ya – содействие, т.е. соучастие в совершении a; (4) Oa – отрицательная оценка, т. е. осуждение поступка a; (5) Da – положительная оценка, т. е. одобрение поступка a. Кроме того, пусть символы Ba, Sa, Xa, Za, La, Ha, Ba, Ba обозначают, соответственно, определенные на множестве поступков унарные морально-правовые операции: «вера в хорошесть a»; «сомнение в хорошесть a»; «надежда на a»; «отчаяние в связи с a»; «любовь к a»; «ненависть к a»; «бытие (жизнь) в связи с a» и «небытие (смерть) в связи с a». Пусть символы Ca и Ua обозначают, соответственно, морально-правовые ценностные функции: «нравственный смысл (его наличие или придание) деятельности a, т. е. положительная нравственная интерпретация a, отнесение ее к Добру (установление ее причастности Добру)» и «бессмысленность (нравственная) деятельности a, т. е. отсутствие, исчезновение, потеря, лишение нравственного смысла деятельности a». Нравственная бессмысленность деятельности a есть отсутствие (несуществование) положительной нравственной интерпретации a, устранение ее причастности Добру». Наконец, пусть символы C'a, C'a, F'a, G'a, B'a обозначают, соответственно, морально-правовые ценностные функции: «свобода от деятельности a», «свобода для (ради) деятельности a», «лишение (отнятие) или упущение (потеря) a», «предоставление или получение (приобретение, стяжание) a», «создание алетической возможности совершения поступка a».

Результаты упомянутых выше унарных операций над поступками могут принадлежать (a могут и не принадлежать) множеству поступков. Ценностно-функциональный смысл морально-правовых операций Na, Ra, Ya, Oa, Da, Ba, Sa, Xa, Za, La, Ha, Ba, Ba, Ca, Ua, C'a, C'a, F'a, G'a, B'a адекватно определяется следующей ниже таблицей T1, если

и только если действия, имеющие форму a, Na, Ra, Ya, Oa, Da, Ba, Sa, Xa, Za, Ла, На, Ба, Бa, Ca, Уa, C'a, C²a, F°a, G°a, B¹a являются поступками. (В противном случае таблица неприменима. Так, например, если a — поступок, а Ya не есть поступок, то определять правовое значение Ya по этой таблице нельзя).

Таблица Т1

a	Na	Ra	Ya	Oa	Da	Ba	Sa	Xa	Za	Ла
х	п	п	х	п	х	х	п	х	п	х
п	х	х	п	х	п	п	х	п	х	п

a	Ha	Ба	Бa	Ca	Уa	C'a	C²a	F°a	G°a	B¹a
х	п	х	п	х	п	п	х	п	х	х
п	х	п	х	п	х	х	п	х	п	п

Простыми поступками будем называть, по определению, поступки, в которые не входит ни одна из унарных или бинарных операций, определенных в алгебре поступков (для облегчения восприятия текста бинарные операции в данной статье не рассматриваются). *Сложными поступками* будем называть, по определению, поступки, не являющиеся простыми, т. е. поступки, в которые входит хотя бы одна из операций, рассматриваемых в алгебре поступков. *Простые морально-правовые формы поступков* являются, по определению, морально-правовыми формами простых поступков. *Сложные морально-правовые формы поступков* являются, по определению, морально-правовыми формами сложных поступков. *Поступки формально-этически равноценны*, по определению, если и только если их морально-правовые формы формально-этически равноценны. По определению, морально-правовые формы (поступков) формально-этически равноценны, если и только если они (эти морально-правовые формы) принимают одинаковые морально-правовые ценностные значения при любой возможной комбинации ценностных значений входящих в них простых морально-правовых форм, т. е. морально-правовых форм простых поступков. Обозначим отношение *формально-этической равноценности морально-правовых форм* поступков a и b символом « $a \equiv b$ ».

Простые морально-правовые формы (поступков) представляют собой *ценностные переменные*, областью допустимых значений

которых является двухэлементное множество $\{x, p\}$, а сложные морально-правовые формы (поступков) представляют собой *ценностные функции* от этих переменных. Областью значений этих ценностных функций является то же самое двухэлементное множество $\{x, p\}$. Иначе говоря, ценностная функция есть функция от n аргументов, причем каждый аргумент может принимать значение x или p и сама функция имеет значение x или p. (В данной статье для достижения максимально возможной простоты изложения мы будем рассматривать ценностные функции только от одного аргумента. Читателя, желающего познакомиться с морально-правовыми ценностными функциями от двух аргументов, отошлем к монографии [6]). Теперь, кратко охарактеризовав те предельно простые (минимальные) математические средства, которые будут использоваться в данной работе, приступим к ее основному содержанию.

* * *

В данной статье обсуждается *бытие (жизнь) и небытие (смерть) как поступки* в том специфическом значении термина «поступок», которое систематически используется в философии экзистенциализма и в алгебре поступков. Отсюда следует, что говорить о жизни (существовании) или смерти (несуществовании) как о поступках (в указанном смысле слова) можно лишь в том случае, когда есть свобода выбора – быть или не быть. Так, например, существование парализованного человека, не способного прекратить свое существование, не является с его стороны поступком. Но при чем же здесь философия экзистенциализма? Попробуем ответить на этот закономерно возникающий вопрос. Общеизвестно, что экзистенциализм – многоаспектное явление истории философии, слагающееся из значительно отличающихся друг от друга направлений и представленное большим количеством философов и деятелей искусства (в особенности художественной литературы) в самых разных странах. Нас в данной статье будет интересовать лишь одна, но (как исторически, так и логически) принципиально важная для философии экзистенциализма проблема – проблема деления бытия на настоящее (подлинное) и ненастоящее (неподлинное). Экзистенциалисты постоянно твердят о том, что отнюдь не все то, что существует, является существующим действительно. Нередко существование оказывается прозябанием (неистинным существованием). Иногда человек живет, но назвать это жизнью нельзя (Разве это жизнь?). И нередко сам человек чувствует это очень остро. Иногда это экзистенциальное переживание оказывается настолько сильным, что толкает человека к самоубийству: человек совершает поступок, прекращающий эту якобы жизнь, которая

на самом-то деле и не жизнь вовсе. Так, например, руководствуясь лозунгом «Жизнь=Любовь» (и следствием из него: «Нелюбовь>=Смерть»), некоторые индивиды (психиатры считают их «психически неуравновешенными») совершают самоубийство, если нет любви (или если она кончается). Конец любви расценивается такими индивидами как конец жизни, а зарождение любви – как зарождение новой жизни, как воскресение из небытия. Только полюбив, человек начинает действительно (истинно) существовать. До этого (и после этого) ему лишь кажется, что он существует. А на самом-то деле его в действительности нет: он как бы «пребывает в состоянии анабиоза». В народе это называется «прозябать», «влачить жалкое существование» и т. п. Некоторые максималистски (ригористически) настроенные юноши и девушки всерьез полагают, что «бессмысленное (в частности, лишенное любви) существование» не есть существование в собственном значении слова и поэтому лучше вообще не быть, чем быть в смысле «прозябать», «влачить жалкое существование». (Лучше вообще не быть, чем терпеть унижения, мучения и быть несчастным. Лучше умереть, чем быть рабом: свобода или смерть! Другой вариант: счастливая взаимная любовь или смерть!) В этой категории молодых людей суицидные настроения и активные попытки самоубийства не являются редкостью. В указанном отношении Ромео и Джульетта, Гамлет и т. п. литературные герои вполне могут быть отнесены, на мой взгляд, именно к данной категории «психически неуравновешенных».

Для «абсолютно рационально» мыслящего ученого, а также для философа-сциентиста (не говоря уже о профессиональных психиатрах) все эти суицидно ориентированные рассуждения кажутся бредом сумасшедшего («психически неуравновешенного»), иррациональным потоком болезненного сознания, цинично попирающим логику и факты. Поэтому, традиционно, сциентисты очень высокомерно (с большой долей презрения) относили всю эту проблематику к сфере искусства («Художник имеет право на вымысел»), но ни в коей мере не к сфере научной философии в собственном смысле этого слова. Столь же традиционно многие психиатры (с большой долей жалости, сочувствия и профессиональной заинтересованности) относили всю эту проблематику к сфере психической патологии («Вымысел – характерная особенность сумасшедшего, отражающего реальность не адекватно»). Аналогичным образом (пренебрежительно, враждебно) относились к рационализму (и особенно к сциентизму) представители экзистенциализма. (Кстати, в результате многие из тех известных деятелей искусства, для которых были характерны «экзистенциалистские настроения», получили диагноз «психически ненормальные».)

Однако, по моему мнению, эта взаимная снисходительная жалость, презрение и враждебность, основанная на психологически естественной, общезначимой (надиндивидуальной) и устойчивой интеллектуальной иллюзии принципиальной логической несовместимости обсуждаемых качественно различных воззрений на мир, представляет собой досадное недоразумение, роковую ошибку. На мой взгляд, философия экзистенциализма может существовать также и в форме научного рационализма, в частности, в математизированной форме, т. е. как математическая философия. (Под математической философией мною имеется в виду философия, систематически использующая язык и метод математики для получения интересных результатов в области философии. При этом математическая логика (как именно логика, т. е. теория истины и лжи) оказывается важным, но все-таки частным случаем математической философии). В качестве простейшего примера математической философии экзистенциализма может быть рассмотрена обсуждаемая в настоящей статье алгебра поступков.

Прежде всего следует обратить внимание на формально-этические равноценности $Ba = + = La$ (Жизнь есть любовь) и $NLa = + = Ba$ (Нелюбовь есть несуществование). Согласно этим уравнениям *бытие равноценно любви, а отсутствие любви равноценно небытию*. Если человек не любит, то он и не существует в истинном смысле слова, а лишь прозябает: ему кажется, что он живет, но разве это жизнь? Кроме того, имеет смысл обратить внимание на формально-этические равноценности $Ba = + = Va$ и $Sa = + = Ba$. Согласно этим уравнениям *бытие равноценно вере, а отсутствие веры равноценно небытию*. Если человек не верит, то он и не существует в истинном смысле слова, а лишь прозябает: ему кажется, что он живет, но разве это жизнь? Таким образом, фидеизм предстает как научный рационализм! Как это ни странно для критиков фидеизма, утверждающих, что он враждебен науке, не имеет ничего общего с реально существующим миром, фидеизм оказывается рационально организованной онтологией, т. е. учением о реально существующем! Таким образом, возникает принципиально новая нетривиальная возможность перехода *от старого конфликта науки и религии к толерантности между ними* в вопросах веры и сомнения (неверия).

Пусть символы $8a$, $Юa$, $Жa$, $Яa$ обозначают, соответственно, морально-правовые формы поступков, т. е. ценностные функции, «вечность (бесконечность) деятельности a », «конечность (временность) a », «счастье (блаженство) в связи с a » и «горе (муки, несчастье) в связи с a ». В дополнение к этому, пусть символы Fa , Ga , Wa и Da обозначают, соответственно, морально-правовые формы поступков, т. е. ценностные

функции, «конец (окончание, исчезновение, прекращение) а»; «начало (зарождение, возникновение) а»; «непрерывность (непрестанность) а» и «прерывность (дискретность) а». Наконец, пусть символы Эа, Га, Ра, Ча, Па, Фа, С^оа, Ла, Л^оа, Н^оа, I^оа, Д^оа обозначают, соответственно, морально-правовые ценностные функции: «новая (отличающаяся новизной) деятельность а»; старая (лишенная новизны) деятельность а»; «радость (восторг, веселье, приподнятое настроение) в связи с а»; «горе (печаль, скорбь, грусть, тоска, подавленное настроение) в связи с а»; «познание (открытие, раскрытие, обнажение сути) а»; «сокрытие (засекречивание) поступка а, в частности, совершение а тайно», «организация (коллективность, соборность, общение в процессе) а», «разумность деятельности а», «превращение а в алетически необходимую деятельность», «превращение а в алетически невозможную деятельность», «превращение а в алетически случайную деятельность», «действительность деятельности а, т. е. превращение а в алетически действительную деятельность». Согласно двузначной алгебре поступков, ценностно-функциональный смысл морально-правовых операций 8а, Юа, Жа, Яа, Фа, Га, Wa, Da, Эа, Га, Ра, Ча, Па, Фа, С^оа, Ла, Л^оа, Н^оа, I^оа, Д^оа адекватно определяется следующей ниже таблицей Т2.

Таблица Т2

а	8а	Юа	Жа	Яа	Фа	Га	Wa	Da	Эа	Га
х	х	п	х	п	п	х	х	п	х	п
п	п	х	п	х	х	п	п	х	п	х

а	Ра	Ча	Па	Фа	С ^о а	Ла	Л ^о а	Н ^о а	I ^о а	Д ^о а
х	х	п	п	х	х	х	х	п	п	х
п	п	х	х	п	п	п	п	х	п	п

Из сочетания этой таблицы со сказанным ранее элементарно получается целый ряд очень важных, фундаментальных, с религиозной точки зрения, морально-правовых оценок (формально-этических равноценностей), которые в большинстве своем (хотя и не все) интуитивно очевидны, а именно;

$$\begin{aligned}
 1) \quad & а=+=Да=+=Уа=+=Ла=+=Ва=+=Ха=+=Ра=+=Жа=+=Са=+= \\
 & =+=С^2а=+=G^oа=+=B^1а=+=Ба=+=8а=+=Wa=+=Ga=+=Эа=+=Φа=+= \\
 & =+=C^oа=+=La=+=L^oа=+=D^oа;
 \end{aligned}$$

2) $Na=+=Oa=+=Ra=+=Ha=+=Sa=+=Za=+=\text{Ча}=+=\text{Яа}=+=\text{Уа}=+=$
 $=+=\text{С'а}=+=\text{F}^0a=+=\text{Ба}=+=\text{Юа}=+=\text{Да}=+=\text{Фа}=+=\text{Га}=+=\text{Па}=+=\text{H}^0a.$

Однако из сочетания табл. Т2 со сказанным ранее получаются также и некоторые психологически неожиданные (интуитивно неочевидные, нетривиальные), поразительные результаты, например: $Ла=+=8Ла=+=8а$ (Любовь вечна, или любовь равноценна вечности); $Ла=+=8Ба$ (Любовь есть «жизнь вечная»); $Ла=+=8Жа$ (Любовь есть вечное счастье); $На=+=Ба$ (Ненависть конечна, она равноценна временности); $На=+=8Ба$ (Ненависть равноценна вечному небытию); $На=+=8Яа$ (Ненависть равноценна вечному мучению). Как тут не вспомнить в высшей степени странную, просто безумную (с точки зрения «здорового смысла») сентенцию Святого Апостола Павла: «Любовь никогда не перестает» [1 Кор. 13: 8]. Как тут не вспомнить библейскую идею о *вечных (адских) муках* как о будущем формально-этически эквивалентном воздаянии за нелюбовь (ненависть), неверие, отчаяние, пресечение бытия (убийство) и другие грехи. Как тут не вспомнить также библейскую идею о *вечной жизни в раю (о вечном райском блаженстве)* как о будущем формально-этически эквивалентном воздаянии за любовь, веру, надежду и другие добродетели праведников. Текст Библии недвусмысленно подтверждает сказанное: «Тогда скажет и тем, которые по левую сторону: «идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его: ...» <...> И пойдут они в муку вечную, а праведники в жизнь вечную» [Мф 25: 41-46]. Процитированный отрывок из Библии, на мой взгляд, прекрасно соответствует морально-правовому уравнению $На=+=8Яа$, согласно которому ненависть есть «мука вечная» («адский вечный огонь»), а также морально-правовому уравнению $Ла=+=8Ба$, согласно которому любовь есть «жизнь вечная».

Еще один поразительный результат: $Ва=+=8а$ (Вера равноценна вечности, т. е. вера в положительную ценность деятельности равноценна бесконечности этой деятельности); $Ва=+=8Ба$ (Вера есть жизнь вечная). Как тут не вспомнить в высшей степени странное, просто безумное (с обычной житейской точки зрения) заявление Святого Апостола Павла о том, что жизнь верующего человека никогда не кончается, верующие спасутся (верою своею) и будут жить вечно.

Поскольку *Вера, Надежда и Любовь формально-этически равноценны*, постольку невозможно не обратить внимание также и на следующий результат: $Ха=+=Ба$ (Надежда есть жизнь). Как тут не вспомнить знаменитые фразы «Пока я надеюсь, я живу, а пока живу – надеюсь»; «Надежда умирает последней» и т. п. С этой точки зрения, печально известная зловещая фраза «Оставь надежду всяк сюда

входящий» формально-этически равноценна фразе «Умри (навсегда) всяк сюда входящий». Формально-этическая равноценность $Xa=+=8Ba$ («Надежда есть жизнь вечная») означает верность афоризмов: «В жизни всегда есть место надежде»; «Безнадежных ситуаций не бывает»; «Если тебе кажется, что ситуация абсолютно безнадежна, значит, ты чего-то не учел» и т. п. С указанной точки зрения, отнюдь не странным, а наоборот, закономерным оказывается тот эмпирически установленный факт, что очень часто в экстремальных условиях человек гибнет в каком-то смысле не от этих экстремальных условий как таковых, а от отчаяния, т. е. отсутствия надежды, ибо согласно уравнению $Za=+=Ba$ отчаяние есть смерть. (Отчаяние *формально-этически равноценно смерти*.) Поэтому, нельзя впадать в отчаяние (это – грех). Перестать надеяться, значит умереть, совершить самоубийство, «подставиться под удар судьбы». Потеря всякой надежды человеком, который, тем не менее, еще длительное время продолжает жить, есть не что иное как «его смерть задолго до наступления его смерти».

Наконец, важно обратить внимание на то, что из сочетания табл. 2 со сказанным ранее получается следующий поразительный результат: $Ba=+=8a$ (Бытие равноценно вечности); $Ya=+=Ba$ (Конечность, временность, смертность равноценна небытию). Поскольку очевидно, что многое в этом мире конечно, постольку многое в этом мире в каком-то («действительном», «истинном», «настоящем») смысле не существует, а только кажется существующим. Сделав человека смертным, т. е. невечным (в ответ на нарушение Адамом и Евой установленной Богом райской дисциплины), Бог тем самым сурово наказал людей, и это наказание (согласно уравнению $Ya=+=Ba$) равноценно высшей (исключительной) мере наказания, а именно смертной казни (т. е. прекращению бытия) человека. (Для более подробного знакомства с результатами математического моделирования морально-правового аспекта ситуации, приведшей Адама и Еву к потере Рая, см. статьи [8; 13]).

В свете сказанного выше наконец-то становится ясным и понятным точный смысл заявления Бога о том, что, *если вы (Адам и Ева) вкусите плод с Древа Познания, то в тот же день умрете*. Поскольку в данном случае точность воспроизведения текста Библии принципиально важна, процитируем соответствующий отрывок: «И заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть, а от дерева познания добра и зла не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь» [Быт. 2: 16-17]. Змей возразил: «нет, не умрете». Убедимся в этом с помощью цитаты из Библии: «И сказал змей жене: подлинно ли сказал Бог: «не ешьте ни от какого

деревя в рай»? И сказала жена змею: плоды с дерев мы можем есть, только плодов с дерева, которое среди рая, сказал Бог, не ешьте их и не прикасайтесь к ним, чтобы вам не, умереть. И сказал змей жене: нет не умрете,...» [Быт. 3: 1-4]. Далее Библия повествует, что Адам и Ева ели от дерева познания добра и зла, но *в тот день, в который вкусили от него*, не умерли. Отсюда некоторые авторы делают вывод: Бог преднамеренно обманул (высказал ложное суждение), а Змей сказал сущую правду. Но в таком случае оказывается, что Бог был самым первым обманщиком в этом мире (а говорил: «Не лги!»). Такую точку зрения развивает, например, Ю. Щербатых в своей книге «Искусство обмана». Он пишет: «Именно с обмана женщины змием, по мнению христиан, начинается история грехопадения людей... Однако если внимательнее присмотреться к библейским текстам, видно, что обманщиком-то был не змей, а Бог, ибо он заведомо обманул своих подопечных, запугав их неизбежной якобы гибелью, если они попробуют плодов с заповедного дерева... Змей же говорил сущую правду, за что и пострадал...» [16, с. 15, 16]. В связи с выдвинутым против Бога обвинением в преднамеренной лжи и лицемерии возникает проблема теодицеи (т. е. проблема оправдания Бога). С христианской точки зрения. Бог в этой связи нуждается в хорошем адвокате (а для змея надо найти сурового прокурора). В этой связи мне в данной работе хотелось бы попробовать себя в роли адвоката Бога (и обвинителя змея), так как, по моему мнению, «если внимательнее присмотреться к библейским текстам», то видно, что не только возможна, но еще и *является наиболее обоснованной* такая интерпретация обсуждаемой ситуации, при которой Бог сказал сущую правду, а змей — ложь. Что же это за интерпретация? Это такое истолкование двусмысленной связки «есть», при котором она означает не обычную логическую связку «есть», а *формально-этическую равноценность* (т. е. определенное выше отношение «=+=») соответствующих поступков: 1) поедание плода с дерева *познания* и 2) *смерть* в тот же самый день, в который это поедание было совершено. Тот сообщенный нам Библией факт, что Адам и Ева не умерли ни непосредственно в процессе поедания яблока, ни в день его поедания, ни в течение длительного времени после этого, не опровергает факт морально-правовой эквивалентности (формально-этической равноценности) поступков 1) и 2). Согласно морально-правовому уравниванию Па=+=Ба, *познание формально-этически равноценно небытию*, или, говоря более кратко и метафорично, «*познание есть смерть*». Не случайно ведь из «двух (выдающихся) деревьев посреди рая» одно называется «древо жизни», а другое — «древо познания». Если исходить из того, что мир дихотомичен и эти

два дерева исчерпывают универсум выдающегося (особо значимого, находящегося «посреди рая»), то отсюда вытекает, что дерево познания есть дерево нежизни, т. е. «дерево смерти». Тяга к познанию есть тяга к смерти. (Еще раз обращаю внимание читателя на то, что подчеркнутая связка «есть» в данном случае имеет смысл *формально-этической равноценности* поступков, а не обычный собственно логический смысл. Поэтому те, кто систематически занимается познавательной деятельностью, например научные работники, могут не бояться: они будут жить и умирать так же как и все (в обычном порядке), как Адам и Ева и все их потомки. Однако Бог не был обманщиком: он сказал правду, а змей солгал. Просто люди неправильно поняли смысл того, что сказали Бог и змей: произошло досадное недоразумение, вызванное подменой понятий. Это принципиально важное для теодицеи обстоятельство становится особенно очевидным именно на уровне исследуемой алгебраической модели естественного права, ярко высвечивающей принципиальную разницу *собственно логического* понятия « \leftrightarrow » (понятия «логическая эквивалентность высказываний») и *формально-этического* понятия « $=+=$ » (понятия «формально-этическая равноценность поступков»): высказывания « $Ea \leftrightarrow Ev$ » и « $a=+=v$ » не являются формально-логически равносильными друг другу, так как ни одно из них не есть логическое следствие другого. (Символы Еа и Ев обозначают здесь морально-правовые формы поступков, представляющих собой истинные или ложные *высказывания* о совершении поступков а и в).

В свете сказанного выше становится, на мой взгляд, более ясным и понятным также и *ценностно-функциональный* смысл библейской заповеди «Не убий». Если бытие (жизнь) есть добро, то пресечение жизни (убийство) есть зло. Если в некоторой системе ценностей (например, в Библии) заповедь «Любите ближних!» принята в качестве исходной положительной ценности (принята за «аксиому»), то, согласно уравнению $La=+=NRBa$, в той же самой системе ценностей *необходимо (формально-этически)* принять также и заповедь «Не убивайте (воздерживайтесь от пресечения бытия) ближних!» (как «теорему»), С этой точки зрения оказывается, что в ригористической (абсолютно нетолерантной) морально-правовой системе любой человек не только имеет право на жизнь, но еще и *обязан жить* (самоубийство запрещено как частный случай убийства). Конкретным примером такого рода системы может выступать система христианских ценностей, последовательно отстаиваемая католической церковью: в ней не только убийство вообще, но и самоубийство в частности есть тяжкий грех, преступление законов естественного права и морали.

Итак, согласно алгебре поступков: вечность (бесконечность) есть добро, а конечность (смертность) есть зло; бытие (жизнь) есть добро, а небытие (смерть) есть зло; временная (конечная) жизнь есть зло, а временная смерть (неизбежно сменяемая воскресением из мертвых) – добро; бесконечная (вечная) жизнь есть добро, а бесконечная (вечная) смерть есть зло. В разнообразных мифах и религиях народов, живших в разные времена на разных континентах, эти отождествления встречаются постоянно. Однако каков точный смысл связки «есть» в этих предложениях? Попытки придать связке «есть» в указанных фразах тот смысл, который эта связка имеет в формальной логике, неизменно приводили, приводят (и будут приводить) к явным нелепостям. Одним из прискорбных следствий такого рода нелепостей явилось широко распространенное в наше время мнение, что религия логически противоречит науке, несовместима с ней. На мой взгляд, связка «есть» в упомянутых выше предложениях имеет не формально-логический, а формально-этический смысл: она выступает как средство выражения в естественном языке отношения формально-этической равноценности. Принципиально важно подчеркнуть, что отношения *«высказывания (...) формально логически равносильны»* и *«поступки (...) формально-этически равноценны»* не являются тождественными. Их абсолютное отождествление – источник психологически естественно (закономерно) возникающих и поэтому повсеместно распространенных, но, на мой взгляд, ошибочных мнений (интеллектуальных иллюзий), согласно которым экзистенциализм есть иррационализм; экзистенциализм противоречит науке; фидеизм есть иррационализм; фидеизм противоречит науке и т. п.

Итак, с точки зрения алгебры поступков утверждения о возможности существования «жизни после смерти», «жизни после жизни», «жизни до жизни» и т. п., а также утверждения о возможности существования «смерти до смерти», «смерти при жизни», «смерти после смерти», «смерти до жизни» и т. п., кажущиеся абсолютно иррациональными, на самом-то деле не являются таковыми: они вполне рациональны, подчиняются некоторой строго определенной структурно-функциональной закономерности, являющейся предметом изучения (и, в частности, математического моделирования) в настоящей работе.

На уровне исследуемой алгебраической модели естественного права и морали элементарно обосновывается также следующее теоретически очень интересное и практически очень важное для жизни любого человека мировоззренческое положение (уравнение): $\text{БСБа} = + = \text{Ба}$. Оно означает, что *небытие смысла бытия равноценно*

небытию. Иначе говоря, бессмысленное существование не есть существование, а есть несуществование. Полная потеря смысла жизни означает смерть. Уничтожение смысла жизни равноценно убийству. Обесмысливание своей жизни – самоубийство. Но тогда из заповеди «Не убий!» логически следует, что человек должен (просто обязан) иметь смысл жизни. В противном случае его жизнь безнравственна, пуста и жизнью, строго говоря, не является. Отсутствие смысла жизни есть зло. Те, кто говорит, что жизнь не имеет смысла, — безнравственные люди, «живые трупы». Настоящая (истинная) жизнь полна смысла (Каждый человек обязан в течение всей своей жизни искать смысл своего существования и находить или конструировать его). Например, согласно уравнениям $Ла=+=СБа$, $Ва=+=СБа$, $Ха=+=СБа$ любовь есть смысл жизни, вера есть смысл жизни, надежда есть смысл жизни. Кроме того, согласно уравнению $Ба=+=СБа$ сама жизнь есть смысл жизни. Иначе говоря, смысл жизни в самой жизни (ибо жизнь есть Добро). Наконец, богословы, священники и просто верующие вряд ли будут оспаривать то, что смысл жизни есть жизнь вечная (согласно уравнению $СБа=+=8Ба$).

Целесообразно обратить внимание на морально-правовое уравнение $ЮБа=+=ФБа=+=ГЭБа$. Оно означает, что «конечность смерти формально-этически равноценна ее окончанию, т. е. представляет собой смерть смерти», а «окончание смерти (в отношении к а) равноценно началу новой жизни (в отношении к а)». Обозначим «начало новой жизни (в связи с а)» символом Ва. Таким образом, по определению (номинальному), $Ва=+=ГЭБа$. Но «начало новой жизни (в связи с а)» есть не что иное как «воскресение (в связи с а)». Следовательно, поскольку $Ла=+=ГЭБа=+=Ва$, постольку «любовь равноценна воскресению из небытия». Более того, поскольку $Ва=+=ГЭБа=+=Ва$, постольку «вера равноценна воскресению из небытия». Было бы точнее сказать: «вера в то, что а — добро, формально-этически равноценна воскресению из мертвых (в связи с а)». Вообще говоря, при морально-правовой оценке веры, надежды, любви, воскресения и т. п. переменная а существенна. Если она примет значение «плохо (зло)», то Ла, Ва и Ва тоже примут значение «плохо (зло)»: любовь ко злу, ложная вера и воскресение зла представляют собой зло. Верующие в Бога убирают переменную а и получают в результате положения: «Любовь есть воскресение из мертвых (любовь побеждает смерть)»; «Вера есть воскресение из мертвых (вера побеждает смерть)» и т. п., потому что они подразумевают, что речь идет о любви к Богу, о вере в Бога, а Он для них есть Добро, т. е. ими подразумевается, что значение переменной а является положительным, поэтому фиксированным

и, следовательно, перестав быть переменной, она может быть устранена из фразы.

Вышесказанное позволяет сделать вывод, что конфликт науки и религии в вопросе о рациональности религиозного догмата о спасении праведников (об их воскресении из мертвых и последующей вечной жизни), а также о гибели грешников (об их вечных муках и вечной смерти) не является абсолютно неразрешимым, не дающим никаких оснований для толерантности. По моему мнению, толерантность науки и религии в обсуждаемом вопросе вполне возможна и возможность эта совершенно реальна. Наука может и должна предоставить для этого подходящий метод. В частности, в качестве такого метода разрешения конфликта и обеспечения толерантности может служить язык и метод алгебры поступков. Если принять во внимание принципиальное логическое различие двух значений связки «есть», а именно: (1) «есть» как средство выражения в языке *логической эквивалентности* высказываний и (2) «есть» как средство выражения в языке *формально-этической равноценности* поступков, то исчезает (разрушается) лежащее в основе обсуждаемого конфликта логическое противоречие-антиномия: «жизнь праведников конечна (согласно позитивной науке) и жизнь праведников вечна (согласно религии)». Оказывается, что в тезисе позитивной науки используется значение (1), а в антитезисе религии — значение (2). Таким образом смыслы тезиса и антитезиса уточняются, сфера их истинности ограничивается и иллюзия антагонистического противоречия исчезает. То же самое средство эффективно разрушает и следующую антиномию-проблему: если грешников ожидает вечная смерть, то как тогда может быть осуществлено их вечное мучение, как мучить абсолютно мертвых? (Для того чтобы испытывать мучения, нужно быть живым). В алгебре поступков ответ на этот вопрос заключается в следующем: религия утверждает не эмпирический факт одновременности мучения грешников и их пребывания в мертвом состоянии, а *формально-этическую равноценность* их вечной муки и вечной смерти. Для того чтобы действия были формально-этически равноценными, не необходимо, чтобы они были совместимыми. Действия, исключаящие возможность одновременного осуществления друг друга, вполне могут быть формальноэтически равноценными. Таким образом, предпринятое в данной статье исследование приводит к выводу, что даже по отношению к обсуждаемым традиционно очень острыми проблемами взаимоотношения науки и религии возможны толерантность, взаимодополнение и взаимообогащение.

§2. Естественное право, непрестанная молитва и сюрприз спасения

(Проблема формально-логической непротиворечивости
теологической доктрины естественного права)

Непрестанно молитесь.

1 Фес. 5: 17

* * *

Человек предполагает, а Бог располагает.

Пословица

* * *

Пути Господни неисповедимы.

Пословица

Если морально-правовое сознание верующего человека не сводится к доктрине юридического позитивизма, а содержит в себе также и естественно-правовую подсистему, то в нем возможны серьезные логические противоречия, разрушительно действующие на это сознание, зарождающие в нем сомнение и толкающие или к помутнению рассудка (безумию), или к отказу от веры. Но действительно ли абсолютно необходим либо отказ от разума и логики (иррационализм), либо отказ от веры? На мой взгляд, этот выбор не является необходимым. Более того, он (этот выбор независимо от его результата) является отступлением от действительной мудрости и нравственности, которые требуют отказаться от совершения обсуждаемого выбора как от совершения зла. Согласно многовековой традиции, естественное право представляет собой именно разум (естественный) и логику. Поэтому религиозное сознание, включающее в себя доктрину естественного права, нуждается в постоянном совершенствовании своей логической структуры, в частности, в разрешении существенных для этого сознания логических противоречий-антиномий.

Из множества таких логических противоречий выделим и рассмотрим в данной статье противоречия-антиномии, связанные с религиозными принципами непрестанности молитвы и неожиданности (внезапности и неабсолютной гарантированности) спасения. Антиномия-проблема непрестанной молитвы явно и резко (отчетливо) сформулирована, например, в книге [15]. В самом ее начале автор пишет: «В двадцать четвертую Неделю после Троицына Дня пришел я в церковь к обедне помолиться; читали Апостол, из послания

к Солунянам, зачало 273, в котором сказано: *непрестанно молитесь* (1 Фес. 5, 17). Сие изречение особенно вперилося в ум мой, и начал я думать, как же можно беспрестанно молиться, когда необходимо каждому человеку и в других делах упражняться для поддержания своей жизни? Справился в Библии и там увидел собственными глазами то же, что слышал, а именно: надо непрестанно молиться (1 Фес. 5, 17), *молиться на всякое время духом* (Еф. 6, 18), воздевать молитвенно руки на всяцем месте (Тим. 2, 8). Думал, думал, не знал как решить. «Что мне делать, – подумал я, – где сыскать, кто бы растолковал мне? Пойду по церквям, где славятся хорошие проповедники, авось там услышу себе вразумление». И пошел. Много слышал очень хороших проповедей о молитве. Но все они были наставлениями о молитве вообще; что есть молитва, как необходимо молиться, каковы плоды молитвы, а о том, как преуспеть в молитве, никто не говорил. Была проповедь о молитве духом и о непрестанной молитве; но как дойти до такой молитвы, не было указано. Так слушание проповедей и не привело меня к желаемому. Почему, наслушавшись их и не получив понятия, как непрестанно молиться, я уже не стал слушать публичных проповедей, а решился при помощи Божией искать опытного и сведущего собеседника, который бы растолковал мне о непрестанной молитве, по неотступному влечению моему к сему познанию» [15, с. 11-12]. Цитируемая книга представляет собой поучительный рассказ о том, как в результате многочисленных попыток реализовать свое влечение к логически непротиворечивому определению и воплощению в реальную земную жизнь фактически (эмпирически) невозможного явления (непрестанной молитвы) автор дошел до состояния близкого к помешательству и физической гибели. Он сам так характеризует это состояние: «Вот теперь так и хожу да беспрестанно творю Иисусову молитву, которая мне драгоценнее и слаще всего на свете. Иду иногда верст по семидесяти и более в день и не чувствую, что иду, а чувствую только, что творю молитву. Когда сильный холод прохватит меня и начну напряженнее говорить молитву – и скоро весь согреюсь. Если голод меня начнет одолевать, я стану чаще призывать имя Иисуса Христа – и забуду, что хотелось есть. Когда сделаюсь болен, начнется ломота в спине и ногах, стану внимать молитве – и боли не слышу... Сделался я какой-то полоумный, нет у меня ни о чем заботы, ничто меня не занимает, ни на что бы суетливое не глядел и был бы все один в уединении; только по привычке одного и хочется, чтобы беспрестанно творить молитву...» [15, с. 25-26]. По моему мнению, очевидно, что такой (эмпирический) путь к постижению смысла словосочетания «непрестанная духовная молитва

в сердце» бесперспективен, ведет к тупику (физической смерти молящегося, а возможно, и физической гибели материально зависящих от него людей). Для адекватного постижения смысла упомянутого словосочетания необходим качественно иной подход. Но какой?

На мой взгляд, алгебра поступков – дискретная математическая модель естественного права – позволяет подойти к антиномии-проблеме непрестанной молитвы с качественно новой точки зрения и предложить некий принципиально новый вариант ее разрешения. В связи с темой данного параграфа нам потребуются некоторые дополнительные (ранее в данной статье еще не рассматривавшиеся) морально-правовые ценностные функции, а именно, Ма – «молитва (просьба) даровать успех в деле а», За – «трудность а», Та – «труд над а», Ва – «преодоление а», Ю^оа – «принятие молитвы (удовлетворение просьбы) даровать успех в деле а», Ша – «успех (удача, везение) в деятельности а», Ца – «(абсолютная) предсказуемость (сто процентная гарантированность) а», Аа – «внезапность (неожиданность, непредсказуемость) а», #а – «одиночество (индивидуальность) а», Ja – «бдение (бодрствование, бодрость, неусыпность) в связи с а», За – «сон (дремота, вялость, сонливость, засыпание) в связи с а», Иа – «безумие (безрассудство, глупость) в связи с а», Ja – «скука (уныние) от а», \$а – «разум (рассудок, ум, мудрость) в связи с а», Ба – «привычка (навык, обычай, традиция) совершать а», Ya – «самоосуществление (автономность, «автоматизм») деятельности а, т. е. ее естественное (стихийное) осуществление». Ценностно-функциональный смысл вышеперечисленных унарных морально-правовых операций адекватно определяется следующей ниже таблицей ТЗ.

Наряду с ценностными функциями, определенными в первой части этой таблицы, рассмотрим также следующие унарные морально-правовые операции: W^оа – «частость (т. е. осуществление как можно чаще) деятельности а», T^оа – «трезвость (трезвение, отрезвление) в процессе а», P^оа – «опьяненность (опьянение, одурманенность, «улет») в процессе а», B^оа – «внимание (внимательность) к а», G^оа – «разговор (болтовня), шум и т. п. в процессе осуществления а», P¹а – «видение, (т. е. восприятие или представление или воображение чего-либо) в процессе осуществления а», M^оа – «безмолвие (тишина, воздержание от разговоров, шума и т. п.) в процессе осуществления а», M¹а – «безвидие (т. е. воздержание от восприятия или представления или воображения визуальных образов) в процессе осуществления деятельности а», Q^оа – «редкость совершения а», Q¹а – «усталость (утомление, истощение, изнеможение) от а», O²а – «отдых (досуг) от а», P²а – «перерыв в деятельности а», D^оа – «уклонение (увиливание)

от а», Б^оа – «лень (неохота) делать а», П^за – «препятствие (создание помех) деятельности а», Ч^оа – «отвлечение (абстрагирование) от а», О^{*}а – «обязывание (приказ) совершить а», F^{*}а – «запрещение совершать а», P^{*}а – «разрешение совершать а», I^{*}а – «нормативное безразличие (например, законодателя) в отношении к а». Эти морально-правовые ценностные функции адекватно определяются во второй части следующей ниже таблицы ТЗ.

Таблица ТЗ

а	Ма	За	Та	Ва	Ю ^о а	Ша	Ца	Аа	#а	Ja
х	х	п	х	п	х	х	п	х	п	х
п	п	х	п	х	п	п	х	п	х	п

а	За	Иа	Іа	\$а	Ыа	Ya	W ^о а	T ^о а	П ^о а	B ^о а
х	п	п	п	х	х	х	х	х	п	х
п	х	х	х	п	п	п	п	п	х	п

а	Г ^о а	П ^і а	М ^о а	М ^і а	О ^о а	О ^і а	О ^з а	П ^з а
х	п	п	х	х	п	п	п	п
п	х	х	п	п	х	х	х	х

а	D ^о а	B ^о а	П ^з а	Ч ^о а	O [*] а	F [*] а	P [*] а	I [*] а
х	п	п	п	п	х	п	х	п
п	х	х	х	х	п	х	п	п

Анализируя приведенную выше таблицу, нетрудно заметить, что Та=+=Ма, т. е. труд над а формально-этически равноценен молитве о даровании успеха в деле а. Иначе говоря, труд есть молитва! Кроме того, согласно уравнению NTa=+=ЫШМа=+=НЮ^оа, воздержание от труда равноценно отсутствию успеха в молитве, равноценно ее неприятию, т. е. невыполнению содержащейся в ней просьбы (Богом). Более того, деятельность, имеющая морально-правовую форму КMaNTa является тождественно плохой (формально-этически

противоречивой) и, следовательно, преступающей естественное право: злой, греховной. (Символ К обозначает здесь бинарную морально-правовую операцию «объединение поступков а и в в поведение», определение ценностно-функционального смысла которой дается, например, в [6].) Что же это за деятельность, имеющая нравственную форму $KMaNTa$? Это такое поведение, когда просят (Бога) о даровании успеха в деле а, но сами воздерживаются от труда, направленного на получение а.

Обратимся теперь к основной теме настоящего параграфа, а именно, к проблеме непрестанности молитвы. Согласно уравнению $ШMa=+=WMa$, успех в молитве равноценен ее непрерывности (непрестанности). Обсуждаемая дискретная математическая модель естественного права свидетельствует о том же, что и Священное Писание и труды отцов церкви [1; 3]. Но как непрестанно творить молитву (и в то же время непрестанно трудиться, согласно уравнению $WMa=+=WTa$) в этом (эмпирическом) мире, где человек устает, нуждается в перерывах для сна и отдыха, останавливается перед трудностями (помехами) своей деятельности, впадает в безумие, болеет и, наконец, умирает? Ведь, согласно морально-правовому уравнению $O^1a=+=O^2a=+=Za=+=B^oa=+=Ia=+=Ia=+=P^oa=+=P^2a=+=+=NWTa=+=NWMa$, усталость равноценна отдыху, сну, лени, скуке, безумию, опьянению, и все они суть некий перерыв в трудовой деятельности, воздержание от нее (а, значит, и от равноценной труду молитвы). Согласно уравнению $Юa=+=Ba=+=D^oaWTa=+=D^oaWMa$, даже конечность и смерть – морально-правовые формы увиливания от непрестанного труда и молитвы! В таком случае для осуществления непрестанной молитвы (и непрестанного труда) необходимо преодоление трудностей (помех), усталости, сна (дремоты), лени, скуки, конечности и смерти, о чем свидетельствует уравнение $WMa=+=WTa=+=WVZa=+=VO^1a=+=VZa=+=VB^oa=+=Vla=+=VЮa=+=+=VЪa$. Но в таком случае непрерывная молитва означает также и непрерывное бдение (воздержание от сна) и непрерывную разумность (трезвость рассудка), т. е. воздержание от безумия (в том числе и от такого искусственно вызванного сумасшествия как пьянство, наркомания и т. п.), что адекватно представлено в обсуждаемой математической модели уравнением

$$WMa=+=WJa=+=NZa=+=W\$a=+=NIa=+=NP^oa.$$

Согласно уравнениям $Ma=+=Ba=+=La=+=Xa=+=8B=+=8Pa=+=+=WB=+=WP$, $NMa=+=Ba=+=Na=+=NXa=+=8Ba=+=8Ca=WЪa=+=+=WЧa$, молитва, жизнь, любовь и надежда равноценны (воздержание от молитвы, смерть, ненависть и безнадежность – тоже

равноценны). Более того, согласно этим уравнениям, молитва (истинная), жизнь (подлинная), любовь (настоящая) и надежда представляют собой «жизнь вечную» и непрерывную, радость бесконечную и непрестанную, а воздержание от молитвы равноценно небытию, ненависти, безнадежности, вечным и непрерывным страданиям (мучениям) и смерти. Но как совместить это с эмпирическими фактами конечности человеческой жизни на Земле и прерывности любой земной человеческой деятельности вообще и молитвы в частности? Одни считают этот вопрос принципиально неразрешимым и, поэтому, вообще отказываются от идеи непрестанной молитвы, непрестанной любви и вечной жизни как от бреда сумасшедшего. Другие неуклонно пытаются воплотить бесконечную и непрестанную молитву в свою земную жизнь и тем самым быстро и эффективно прекращают свое земное существование. Оба варианта – как прямой отказ от идеи непрестанной молитвы, так и косвенный, осуществляемый путем последовательного доведения этой идеи до абсурда (до специфической формы самоубийства и убийства материально зависимых близких), не представляются мне разумными. Однако все же существует, на мой взгляд, разумный вариант ответа на заданный вопрос. Этот вариант может быть сформулирован на языке алгебры поступков и заключается в следующем.

Из таблицы, приведенной в данном параграфе, следуют выводы, что: $Ma = + = WMa = + = 8Ma$; $Ba = + = WBa = + = 8Ba$; $DMa = + = ЮMa = + = + = NMa = + = BMa$; $ЮBa = + = NBa = + = Ba$. Это значит, что, с формально-этической точки зрения, никакой разницы между прерывностью молитвы и ее отсутствием нет; конечность жизни человека на Земле означает, что он на ней и не живет вовсе: сделав человека конечным, Бог тем самым приговорил его к смертной казни и в тот же самый день умертвил его (привел приговор в исполнение). Однако для обычного (нормального) человека, обладающего здравым смыслом, а, значит, и элементарной логикой, но не утруждающего себя размышлениями о теоретических конструкциях, такие выводы должны показаться очень странными или даже заведомо ложными. Не будем спешить с оценками, а попробуем выразить и понять причину этой странности на языке алгебры поступков.

Согласно морально-правовым уравнениям $Ma = + = WMa$, $Ta = + = WTa$, молитва формально-этически равноценна непрестанной молитве, а труд – непрерывному труду! На первый взгляд, это – чистейший абсурд, вздор, ибо, согласно элементарной логике и жизненному опыту, термины «молитва (труд)» и «непрестанная молитва (непрерывный труд)» не являются синонимами, так как обозначаемые ими понятия не являются равнообъемными: вообще говоря,

молитва не всегда является непрестанной, а, с некоторой точки зрения, в реальной (земной) жизни она даже никогда не является таковой. (То же самое можно сказать и о труде.) Итак, из того, что человек молится (или трудится), не следует логически, что он молится (или трудится) непрестанно. Да, конечно. С этим неразумно спорить, ибо это – элементарные сведения из логики и повседневной жизни. Но данное «возражение», по сути дела, возражением не является. Это лишь иллюзия возражения. Иллюзия эта основывается на психологически естественной, но строго запрещенной в алгебре поступков подмене понятий « $=$ » и « \leftrightarrow » друг другом (Здесь символ « \leftrightarrow » обозначает логическую операцию «эквивалентность»). Речь в алгебре поступков идет о том, что, согласно морально-правовому уравнению $Ma = + = WMa$, молитва формально-этически равноценна непрестанной молитве. Однако, поскольку из $Ma = + = WMa$ не следует логически, что $EMa \leftrightarrow EWMa$, постольку взятые из жизни многочисленные факты, опровергающие положение $EMa \leftrightarrow EWMa$, не опровергают отстаиваемый в данной работе тезис $Ma = + = WMa$. (Символ Еа обозначает здесь поступок, представляющий собой истинное или ложное высказывание о том, что поступок а имеет место в действительности. Иначе говоря, поступок Еа есть акт информирования о совершении поступка а. Определение смешанного – истинностно-ценностного – функционального смысла морально-правовой операции Еа см., например, в работах [4; 5; 8; 13]). Подмена тезиса $Ma = + = WMa$ логически ему не эквивалентным тезисом $EMa \leftrightarrow EWMa$ представляет собой грубую логическую ошибку так и называемую «подмена тезиса».

Кстати, реальную возможность этой логической ошибки (и психологически естественно возникающей на ее основе иллюзии опровержения) важно иметь в виду также и в связи с парами утверждений $\langle Ma = + = Ta, EMa \leftrightarrow ETa \rangle$, $\langle 8a = + = Wa, E8a \leftrightarrow EWa \rangle$, $\langle Ma = + = 8Ba, EMa \leftrightarrow E8Ba \rangle$ и др. На последнюю (третью) из этих пар имеет смысл обратить особое внимание и рассмотреть здесь подробнее, ибо она связывает воедино проблему непрестанной молитвы и проблему спасения. Спасением называется «жизнь вечная», обозначаемая в алгебре поступков символом $8Ba$. Дает ли молитва (да и вообще любая другая равноценная ей добродетель) абсолютную гарантию будущего спасения? Некоторые полагают, что да, и молятся (и трудятся, и творят другие добрые дела) именно для того, чтобы получить такую гарантию будущей вечной жизни. Но, согласно исследуемой математической модели, положительный ответ на заданный вопрос не является верным. Согласно уравнению, $8Ba = + = Aa$, спасение (жизнь вечная) есть сюрприз! Хорошо, когда оно приходит неожиданно,

внезапно. На него нельзя рассчитывать (в том смысле, что его нельзя планировать, нельзя иметь его стопроцентную гарантию), но можно только надеяться. Уравнения $VA8Ba=+=D^o8Ba$; $Ц8Ba=+=Ba$ гласят, что преодоление непредсказуемости (внезапности) спасения есть уклонение (уход) от него; абсолютная гарантия вечной жизни есть смерть. Можно лишь надеяться на спасение (на основании уравнения $Ma=+=X8Ba$), но нельзя полагать, что спасение человека неизбежно (алегически необходимо) наступит, если (и только если) он действительно молится, трудится, верит, любит, надеется и творит прочие добрые дела. Основанием для такого утверждения является то, что из морально-правового уравнения $Ma=+=8Ba$ логически не следует эквивалентность $EMa \leftrightarrow E8Ba$. Значит, вполне может оказаться так, что EMa истинно, $Ma=+=8Ja$ истинно, а $E8Ba$ ложно. Но в таком случае спасение (вечная жизнь) есть приятная неожиданность (сюрприз), на которую нужно надеяться и в возможность которой нужно верить. Однако для того, чтобы иметь нравственные основания для этой веры и надежды, необходимо творить добро, в частности, искренне молиться, честно трудиться и т. п.

К сказанному выше о молитве, на мой взгляд, целесообразно добавить следующие результаты, полученные в рамках обсуждаемой математической модели естественного права: (1) $ШMa=+=ФMa$ (успех молитвы равноценен ее сокрытию, т. е. *подлинная молитва творится тайно*); (2) $ШMa=+=B^oMa$ (успех молитвы равноценен ее внимательности, т. е. истинная молитва требует внимания); (3) $Г^oMa=+=П^oMa=+=Ч^oMa=+=NB^oMa$ (разговоры, шум, зрительное восприятие или воображение чего-либо в процессе молитвы равноценны отвлечению от молитвы, творению ее невнимательно, созданию помех ее осуществлению); (4) $B^oMa=+=NЧ^oMa=+=NГ^oMa=+=NП^oMa=+=M^oMa=+=M^iMa$ (внимательность молитвы означает воздержание от отвлечения от молитвы и, следовательно, воздержание от таких помех как разговоры и видения, значит, *успех молитвы равноценен безмолвию и безвидию при ее творении*); (5) $ШMa=+=W^oMa=+=NO^oMa=+=ЫMa=+=YMa$ (успешность молитвы равноценна ее частоте, т. е. творению ее как можно чаще, т. е. воздержанию от ее редкости). Частая молитва, согласно уравнению (5), равноценна привычке (обычаю) молиться, а *привычка молиться равноценна самоосуществлению («самодействию») молитвы в сердце*. Однако, согласно формально-этической равноценности $Aa=+=NЦa$, справедливо равенство (7) $AЮ^oa=+=NЦЮ^oa=+=NЦШMa$, т. е. даже тогда, когда молящийся соблюдает все необходимые условия успешности молитвы, успех

ее не есть нечто абсолютно гарантированное, могущее быть запланированным. Согласно уравнению $\Pi Ma = + = A \text{Ю}^{\circ} a = + = + = A \text{РЮ}^{\circ} a = + = X \text{Ю}^{\circ} a$, успех молитвы есть неожиданный дар Божий, радостный сюрприз, на который молящийся может только надеяться.

В качестве завершения данной статьи рассмотрим «парадокс одиночества» монахов, отшельников, пустынников, затворников, странников и т. п. С одной стороны, создавая для Адама жену, Бог исходил из того общего принципа, что «нехорошо быть человеку одному» [1. Бытие. Глава 2. Стих 18] и этой оценке прекрасно соответствует уравнение $La = + = Ja = + = Pa = + = Ma = + = C^{\circ} a = + = N \# a = + = C^{\circ} Ma$, которое, на мой взгляд, следует назвать формально-этическим «*принципом соборности*» деятельности а вообще и молитвы в особенности». В связи с этим принципом (особенно в его формулировке $\# a = + = + = NC^{\circ} a = + = Na = + = Sa = + = Za = + = Ca = + = Ua = + = UMa = + = NMa$), если а есть хороший поступок, то одиночество (индивидуализм) в процессе осуществления а (и в процессе молитвы за а) есть отрицательное нравственное явление. В частности, уравнение $\# a = + = (\# Ma) = + = + = NMa = + = RMa = + = UMa = + = N \Pi Ma$ свидетельствует о том, что одиночество (индивидуализм) равноценно неудаче в молитве. Короче говоря, согласно формально-этической равноценности $\Pi Ma = + = + = N \# Ma = + = C^{\circ} Ma$, необходимое условие успеха в молитве – воздержание от одиночества (индивидуализма) в молитве, т. е. ее соборность.

Но как же тогда быть с тем фактом, что монахи, отшельники, пустынники, затворники, странники и т. п. постоянно стремятся к одиночеству, к изоляции именно для того, чтобы достичь успеха в молитве? На первый взгляд, кажется, что мы столкнулись с серьезным парадоксом, опасным для обсуждаемой теоретической конструкции, но, по моему мнению, здесь есть лишь видимость логического противоречия. Дело в том, что принадлежащее естественному языку слово «одиночество» является омонимом: оно имеет не одно значение. Наряду с тем отрицательным нравственным значением, которое адекватно представлено рассмотренной выше ценностной функцией $\# a$, равноценной *осуждению а*, слово «одиночество» имеет также и совершенно другое, прямо противоположное, а именно, положительное нравственное значение. Для более адекватного его выражения в естественном языке, вероятно, было бы лучше использовать словосочетание «*уединение для (ради) осуществления а*». Обозначим это значение символом $E^{\circ} a$. Аналитически ценностно-функциональный смысл морально-правовой операции $E^{\circ} a$ может быть адекватно определен следующим уравнением: $E^{\circ} a = + = R \text{Ч}^{\circ} a = + = \text{Ч}^{\circ} \Pi a = + = V^{\circ} a$. Но в таком случае $E^{\circ} Ma = + = V^{\circ} Ma$ а, значит, *уединенность молитвы равноценна*

ее внимательности и, следовательно, необходима для ее успешности ($E^oMa=+=V^oMa=+=N^oMa=+=N^oMa=+=N^oMa=+=M^oMa=+=M^oMa$). Итак, получается, что есть две нравственно противоположные ценностные функции, называемые «одиночество», связанные друг с другом следующим образом: $\#a=+=NE^oa=+=BE^oa$; $E^oa=+=R\#a=+=V\#a=+=B\#a$. Оказывается, что $E^oa=+=C^oa=+=La$ и, значит, в частности, $E^oMa=+=C^oMa$ (уединение для молитвы формально-этически равноценно соборности творения молитвы)!

На мой взгляд, сформулированные выше выводы, с одной стороны, хорошо соответствуют Библии и наследию отцов церкви [1; 3], а с другой стороны, их нетрудно получить в рамках исследуемой дискретной математической модели естественного права. Думается, что это создает новые возможности для преодоления нетерпимости во взаимоотношениях между наукой и религией и перехода к толерантности и взаимовыгодному сотрудничеству между ними.

Примечания

* Эта статья, написанная в 2001 г., была отдана в 2002 г. на кафедре религиоведения УрГУ для публикации в сборнике научных работ, посвященных проблемам толерантности. Тогда из-за финансовых трудностей публикация не состоялась, но рукопись сохранилась в архиве кафедры. В стиле А. Дюма теперь ее можно назвать «Пятнадцать лет спустя». Но лучше поздно, чем никогда.

1. Прежде чем начать последовательное изложение системы дефиниций, лежащих в основе алгебры поступков, целесообразно охарактеризовать систему исходных научных абстракций, идеализаций и мировоззренческих допущений, определяющих предмет и метод этой алгебры. Предметом математического моделирования в алгебре поступков является *не содержательное, а формальное* правоведение и *формальная этика*. *Формальное правоведение* (или формальная юриспруденция) – раздел (аспект) правоведения, в котором исследуются *морально-правовые формы* поведения (абстрагированные от его морально-правового содержания) с целью нахождения *формальных* критериев *правильности* поведения. [Термин «право» используется в алгебре поступков в значении «естественное право», которое, в отличие от «позитивного права», *не проводит принципиального (абсолютного) различия* между правом и моралью, т. е. рассматривает мораль и право как *единую* систему. Поэтому систематически используемые в данной работе *объединяющие* (в смысле *неисключающей дизъюнкции*) понятия «нравственно-правовое», «морально-правовое»

и т. п. не должны сбивать с толку, вызывать удивление, негодование и т. п. Это не случайная ошибка в словоупотреблении, это выражение принципиальной позиции, существенной для доктрины естественного права.] Формальная юриспруденция — важный раздел правоведения, так как *формально-юридическая правильность* поведения является *необходимым, хотя и недостаточным*, условием успеха в избегании зла и в стремлении к добру. При этом вопрос «Что есть добро и что есть зло? (Что такое хорошо и что такое плохо?)» формальная юриспруденция и формальная этика не решают и даже не претендуют на его постановку. Вопрос этот относится к компетенции *содержательной* юриспруденции и этики. Некоторое конкретное решение этого вопроса содержательной юриспруденцией и этикой, а также фактически существующая способность людей с практически достаточной степенью точности отличать в содержании поведения добро от зла есть необходимое условие (предпосылка) возникновения, успешного использования и развития формальной этики и юриспруденции. Специфической особенностью формального правоведения (в отличие от правоведения содержательного) является возможность и целесообразность использования в нем тех или иных подходящих математических (в особенности алгебраических) моделей. Так, например, в рамках формального правоведения (и формальной этики) была предложена и всесторонне исследована *морально-правовая* (нелогическая) интерпретация (область приложения) математического аппарата логики предикатов первого порядка [4; 6; 17].

2. Не следует отождествлять *формальную юриспруденцию и формальную этику*, исследующую форму поведения и являющуюся разделом *правоведения или этики*, с *формальной модальной логикой*, исследующей *форму* оценочных и нормативных морально-правовых суждений и рассуждений о поведении и являющуюся разделом логики. Формальная юриспруденция (и формальная этика) вполне может быть логически неформализованной (и в этом конкретном смысле содержательной) дисциплиной, в своих собственных целях осуществляющей *непосредственное* математическое моделирование *морально-правовой* структуры поведения. В формальной юриспруденции (и в формальной этике) как особом научном направлении исследования оценок, норм, предпочтений и действий, существенно отличающемся от формальной логики деонтических и аксиологических модальностей, специфика подхода заключается в том, что предметом содержательного рассмотрения и математического моделирования является не *логическая форма* оценок и норм как суждений (мыслей), а морально-правовая форма оценок и норм как *поступков*.

Исследовательская активность при этом заметно перемещается с анализа *логической структуры мысли о морально-правовых действиях* на непосредственный анализ *морально-правовой структуры самих действий*. Формально-юридический (формально-этический) подход отнюдь не отрицает формально-логический, а наоборот, будучи качественно иным, находится с ним в *отношении дополнительности*.

Библиографический список:

1. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета: Канонические. М., 1994.
2. Дионисий Ареопагит. О божественных именах. О мистическом богословии. СПб., 1994.
3. Добротолюбие (в пяти томах). Т.1-5. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993.
4. Лобовиков В. О. Модальная логика оценок и норм с точки зрения содержательной этики и права. Красноярск, 1984.
5. Лобовиков В. О. «Искусственный интеллект», формальная этика и моральноправовой выбор. Свердловск, 1988.
6. Лобовиков В. О. Математическое правоведение. 4.1: Естественное право. Екатеринбург, 1998.
7. Лобовиков В. О. Научная философия права: новые идеи в математической криминологии (Взаимная двойственность легальных и криминальных правовых функций) // Новые идеи в философии: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 9. Пермь, 2000. С.85-89.
8. Лобовиков В. О. Почему Бог изгнал Адама и Еву из Рая? (Проблема теодицеи и ее решение на уровне алгебраической модели естественного права) // Молодая мысль на пороге нового века: Мат-лы науч.-практ. конф. 27-28 апреля 2000 г. Екатеринбург, 2000. 4.1. С.185-188.
9. Лобовиков В. О. Использование математических моделей естественного права в процессе преподавания криминологии: взаимная алгебраическая двойственность легальных и криминальных функций // Ценности и социальные технологии демократического общества XXI века как цель высшего гуманитарного образования: Науч.-практ. конф., проведенная Гуманитарным ун-том (г. Екатеринбург) 22-23 мая 2000 г. Тез. докл.: В 2 т. Екатеринбург, Т.1. С.61-65.
10. Лобовиков В. О. Информационно-правовые технологии и математические модели права в юридическом образовании: (Стратегическое видение ситуации вообще и некоторые новые подходы к математической криминологии в особенности: взаимная двойственность легальных и криминальных ценностных функций) // Совершенствование методики преподавания и организации процесса обучения в юридических

вузах России: Мат-лы Всерос. учеб.-метод. конф. (16-17 ноября 1999 г.). Екатеринбург, 2000. С.44-50.

11. Лобовиков В. О. Логика свободы и толерантности в теории права и государства: легальный и криминальный аспекты // Толерантность и ненасилие: теория и международный опыт. Мат-лы Зимней школы молодых преподавателей Урало-Сибирского региона (Екатеринбург, январь-февраль 2000). Екатеринбург, 2000. Ч. 2. С.283-331.

12. Лобовиков В. О. Обвинение Бога в содействии преступникам и Его оправдание как проблема теологической доктрины естественного права: (Булева алгебра поступков как эффективное средство теодицеи) // Вестник Гуманитарного университета: Серия «Право»: Науч. альманах. Екатеринбург, 2000. № 1(2). С.142-168.

13. Лобовиков В. О. Естественно-правовые ограничения позитивно-правового регулирования информационной деятельности // Право. Информация. Безопасность. Альманах. 2001. № 1. С.75-96.

14. Лобовиков В. О. Дискретная математическая модель естественного права жить и умереть, а также церковного права воскреснуть и жить вечно (Алгебра поступков как метод научного исследования морально-правовой ценности религиозной веры в воскрешение праведников после смерти и в их последующую вечную жизнь, а также в смерть грешников при жизни и в их последующие вечные муки) // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Вып. 2. Екатеринбург, 2001. С. 84-106.

15. Откровенные рассказы странника духовному своему отцу. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1997.

16. Щербатых Ю. Искусство обмана. М., 1999.

17. Lobovikov V. O. Mathematical Jurisprudence and Mathematical Ethics: (A mathematical simulation of the evaluative and the normative attitudes to the rigoristic sub-systems of the Positive Law and of the Natural-Law-and-Morals). Ekaterinburg, 1999.

А. В. Осинцев

РУССКОЕ НЕОЯЗЫЧЕСТВО И МИФ О ВЕЛИКОМ ПРОИСХОЖДЕНИИ, ПРАРОДИНЕ И ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы традиционного и современного мифа, и идентификации русского неоязыческого мифа. Основной вопрос данной работы – пути конструирования неоязыческого мифа о великом происхождении, прародине